

На правах рукописи

ЗАРУБИН ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ

**МАРГИНАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА:
СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ**

22.00.04 - социальная структура, социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Новочеркасск - 2004

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт) на кафедре философии

Научный руководитель

кандидат исторических наук, профессор Чапек Виктор Николаевич

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук, профессор Бондаренко Ольга Васильевна

доктор философских наук, профессор Золотухин Валерий Ефимович

Ведущая организация

Кубанский государственный университет

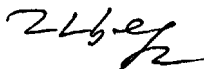
Защита с о с т “25” декабря 2004 в 12 час. на заседании диссертационного совета К 212. 304. 01 по социологическим наукам в Южно-Российском государственном техническом университете (Новочеркасском политехническом институте) по адресу: 346500 г. Шахты Ростовской области, пл. Ленина, Шахтинский институт (филиал) ЮРГТУ (НПИ), ауд.324.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке Южно-Российского государственного технического университета (НПИ) (г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132).

Автореферат разослан “25” ноября 2004 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Щербакова Л.И.

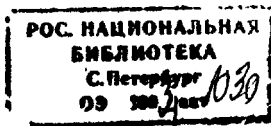
Общая характеристика работы

Актуальность **темы исследования**. Российское общество находится в состоянии интенсивных социальных преобразований и маргинализации подвергаются не только традиционные социальные аутсайдеры, но и молодежь, которая является основным агентом социального воспроизводства. Маргинализация молодежи носит преимущественно структурный характер, определяется вытеснением молодежи на социальную периферию, исчезновение ясных социальных перспектив. 65% молодых россиян надеются только на себя, тем самым признавая социальную дистанцию от общества. Подобное отношение к обществу нельзя однозначно отнести к социальной самостоятельности молодежи. Скорее, большинство молодых людей осознают себя «социальными изгоями» или настроены пессимистически¹. Маргинализация привела к образованию новых социальных слоев российского общества, которые российские социологи классифицируют социальным «преддном» или «социальным дном». Рост социально-имущественного неравенства и соответственно бедности в российском обществе влияет не только на неадаптированных представителей старших социально-профессиональных групп, но и молодежь, часто необоснованно относимую к «выигравшей от реформ группе». Наряду с тем, что среди богатых и сверхбогатых россиян более 30% - люди в возрасте до 30 лет, 42% молодых россиян испытывают эффект материального недопотребления, не в состоянии качественно питаться, тратить деньги на образование, спорт, искусство или приобретать предметы длительного пользования².

Студенческая молодежь традиционно характеризуются социальной лояльностью, поиском эффективного вхождения в социальную и социопрофессиональную структуру общества. Как показывают данные социологических исследований, нуждающаяся молодежь ориентирована на перемену дипломной профессии, не рассматривает высшее образование как путь восходящей социальной мобильности, выражает сомнения по поводу легитимных способов жизнеустройства. Студенты негативно оценивают собственные жизненные перспективы, каждый третий придерживается «внутренней» или «внешней» маргинализации. Структурная маргинализация студенческой молодежи выражается в осознании неравенства стартовых возможностей, невозможности добиться жизненного успеха опираясь на собственные интеллектуальные и карьерные ресурсы. Возникает предрасположенность к соци-

¹ Лоусон Т., Гэррод Дж. Социология. - М., 2000, с. 215

² Молодежь России на рубеже веков - М., 1998, с. 5

альной регрессии, социальному исключению. Невозможность устроиться по специальности или получить адекватное вознаграждение за трудовой вклад, неадекватные представления о своей позиции в социальной структуре российского общества влияют на схемы жизнеустройства, на связи с другими социальными слоями.

Маргинализация студенческой молодежи не ограничивается проекцией социально-имущественного расслоения на социально-статусные позиции молодых людей, внутри молодежи существует значительная социальная и социоструктурная дифференциация, но в определенной среде экономические, политические, социальные неравенства обретают характер «структурной» конфликтности и исключения рисков девиации и агрессивного самоутверждения. Между тем, несмотря на большое количество работ по проблемам студенческой молодежи и определенные подвижки в сторону интерпретации поведенческих стратегий молодежи, ее социокультурных установок и стилей жизни, студенческая молодежь оценивается в категориях «занятия социопрофессиональной ниши», включения в сферу труда. Без внимания остаются проблемы маргинализации как «периферизации» социальных различий молодежи, эрозии социального самосознания, образования окраинных социальных слоев при стабильных доходах и высоком формальном образовательном статусе. Актуальность социологического анализа данной проблемы и обуславливает выбор данной исследовательской темы.

Степень научной разработанности проблемы. Концептуальные основы маргинализации сформулированы американскими социологами Р. Парком и Э. Стоунквистом, которые рассматривают ее как социокультурную характеристику, состояние культуры «социальной отверженности». В работах представителей структурного функционализма Т. Парсонса, Р. Мертона, Ч. Бидуэлла маргинальность трактуется в контексте транзитивного социального статуса молодежи, который продлевается со вступлением и признанием во «взрослом сообществе». Основатель социологии знания К. Мангейм анализировал маргинализацию молодежи как следствие модернизации общества, утраты молодежью роли преемника социальных традиций. Маргинализация по К. Мангейму является «естественным» атрибутом включения в статус-кво социального порядка и ресурсом социальной мотивации молодого поколения.

В исследованиях представителей неклассической социологической мысли маргинализация молодежи осмысливается в контексте конструирования социальных позиции, социальной идентификации и выбора жизненных

стратегий. Американские социологи П. Бергер, Т. Лукман предлагают видение маргинализации через легитимацию символического универсализма, в котором положение определенных социальных слоев характеризуется практическим исключением из иерархии социального бытия. В концепции структурного конструктивизма П. Бурдье молодежь включена в системы практического участия в различных социальных субполях и маргинализация означает пребывание в состоянии гетто, социальную и пространственную локализацию в условиях конкурентного социального пространства. Известный социолог современности Э. Гидденс относится к маргинализации молодежи как последствиям возрастного самоопределения молодежи, ее неадаптивности в обществе, где доминирует «биографизация», индивидуализация социальных конфликтов и молодежи приходится самостоятельно реализовать возможности социального и профессионального роста.

Маргинализация молодежи отражена в работах «постмодернистской волны», в (У. Бека, З. Баумана) с позиции которых в условиях индивидуализации социального неравенства, эрозии предписанных социально-классовых признаков молодое поколение подвергается уходу от коллективных действий и ориентирована на индивидуальные права, уверенность в себе. Маргинализация представляет распад структурных связей, возникновение так называемых «текучих», ситуативных социальных слоев, мобилизуемых на совместные социальные действия в определенный период, но не имеющих стабильных консолидационных оснований. З. Бауман определяет структурную маргинальность как отсутствие ясных границ социального поведения вследствие неустойчивости социальных позиций³.

В целом зарубежная социологическая мысль исходит из понятия маргинализации как процесса «промежуточности», нестабильности социальных позиций, невозможности привязанности к социально референтной группе. Э. Гидденс подчеркивает «неизбежность» маргинализации возрастом «непрозрачности» социальных институтов и беззащитностью индивидов перед внешними вызовами. Российская социологическая мысль обратилась к проблемам маргинализации в середине 90-х годов прошлого века. Если не считать социологической публицистики Е. Старикова, которая полагает любую форму социальной зависимости проявлением маргинальности и на основании подобного суждения относит российское общество к полностью маргинализированному, определенный вклад в анализ маргинализации как эффекта структурных преобразований российского общества внесли З.Т. Голенкова, Е.Д.

Иштханян, Л.А. Беляева. Именно исследования социального неравенства и различных форм социальной адаптации позволяет получить представления о новых маргинальных слоях населения.

Определение «маргинализованности» молодежи как состояния неопределенности, размытости социальной структуры российского общества, содержится в работах И.П. Поповой, А.И. Атояна, С.А. Краснодарской. Маргинализация оценивается как процесс депривации определенных социальных групп и формирования групп, не имеющих доступа к социальным, правовым, экономическим, информационным ресурсам общества.

В работах В.Т. Лисовского, В.Т. Шапко, Г.Е. Зборовского проанализирован социальный облик студенчества, как группы переходного типа, имеющий риск присоединения к маргинальным слоям. Структурные условия маргинализации в контексте социального воспроизводства исследуются В.И. Чупровым, Ю.А. Зубок, С.В. Полуниным, В.А. Мансуровым, Б.А. Ручкиным. Рассмотрение студенческой молодежи как группы со стремлением «восходящей социальной карьеры» или «минимизации неравенства» основано на анализе интеграции молодежи в социoproфессиональную структуру общества, социальной дифференциации молодежи по профессии, территориальному, ценностному критериям.

Т.Э. Петрова, И.В. Мостовая, Н.А. Игнатенко анализируют маргинализацию студенческой молодежи в контексте социальных диспозиций, распада старых социoproфессиональных групп и нестабильности новых промежуточных слоев. Выявлена тенденция «социального аутсайдерства» молодежи, предпочтение девиантных жизненных стратегий как оптимального способа нахождения в «игре без правил» и отсутствии социальной поддержки со стороны общества.

О.В. Бондаренко, И.И. Ильинский, В.В. Семенов раскрывают маргинализацию студенческой молодежи с позиции социально-ценностной аномии российского общества, доминирования прагматизма и меркантилизма в поведении молодежи, что является следствием структурных сдвигов, конфликта традиционных и модернизационных слоев населения. Определенные результаты в анализе маргинализации студенческой молодежи достигнуты в исследованиях О.В. Карпенко, О.Н. Карпухина, В.Л. Бойко, Е.А. Якубы, Г.А. Чередниченко, которые выявили зависимость маргинализации студенческой молодежи от институционализации поведенческих инноваций, узости поведенческого поля студенчества и катализаторов маргинализации в виде отры-

ва высшего образования от рынка труда и стремления молодежи к поиску индивидуальных стратегий жизненного успеха.

Однако несмотря на исследовательский задел в анализе студенческой молодежи, маргинализация рассматривается преимущественно в контексте социальной адаптации или профессионального самоопределения, в то время как очевидна необходимость ее самостоятельного изучения, как изменение позиций молодежи в социальной структуре российского общества.

Целью исследования является анализ маргинализации студенческой молодежи как процесса ее структурных перемещений на социальную периферию, сопровождающихся социальным дистанцированием и социальной изоляцией. Реализация поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

- проанализировать классический подход к проблеме маргинализации студенчества;
- выявить эвристический потенциал неклассической социологии в исследовании структурной маргинализации студенчества;
- охарактеризовать транзитивность студенческой молодежи в условиях социальных трансформаций российского общества;
- раскрыть тенденции социального дистанцирования и социальной изоляции в отношении общества к молодежи в результате ее структурного дрейфа;
- показать влияние традиционных интеграционных моделей на «нейтрализацию» и «минимизацию» маргинализации.

Объектом исследования выступает студенческая молодежь в российском обществе как социокультурная субгруппа российской молодежи с транзитивным социальным статусом и карьерными социальными диспозициями.

Предмет исследования состоит в структурном аспекте процесса маргинализации студенчества, выявляющем влияние социального неравенства в российском обществе на групповую идентичность студенчества, характер ее отношений с другими социальными группами.

Теоретико-методологической основу исследования составляют положения классической социологической теории дифференциации Т. Парсонса, концепции «социального гетто» П. Бурдье, «навигационного пути» Э. Гидденса. Применяются положения о «новационных стратегиях» молодежи российских исследователей В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок. В диссертации осуществлена попытка эмпирической версификации тезиса И.В. Мостовой о

«горизонтальных связях» новых социальных групп, а также положения И.П. Поповой о формировании новых маргинальных слоев, характеризующихся неполным включением или исключением из системы межгруппового взаимодействия.

Эмпирическую базу работы представляют материалы государственной статистики, результаты вторичной обработки данных методологических исследований, проведенных ИСПИ РАН, НИИКСИ при СПбГТУ, РНИСиНП, ФОМ, ВЦИОМ, Центров социологических исследований гг. Екатеринбурга, Ростова-на-Дону.

Гипотеза исследования. Структурный аспект маргинализации российской студенческой молодежи выражается в нарастании разрыва связи студенчества с референтными социально-профессиональными группами, минимизации эффектов неравенства «стартовых условий» путем предпочтения «выгодной работы» в ущерб профессии и перехода на позиции социального исключения и группового эгоизма.

Научная новизна диссертационного исследования раскрывается в совокупности результатов, демонстрирующих влияние маргинализации на социальное поведение и социальное настроение российского студенчества.

Приращение научного знания состоит в следующем:

- проанализирован классический социологический подход к маргинализации студенчества, который исходит из положения о неопределенности социального статуса молодежи как группы социального ученичества и социального воспроизводства;
- выявлен деятельностный акцент неклассической концепции маргинализации, ее интерпретация позиционирования студенческой молодежи в «текущих» социальных группах, мобилизуемых для принятия ситуативных решений;
- охарактеризованы социально-статусные показатели российского студенчества в условиях перехода от состояния структурной определенности к социальному риску и доминированию адаптивных структурных барьеров;
- показано возрастание социального дистанцирования и социальной изоляции студенчества, что связано с дрейфом в сторону социальной периферии и доминирования регрессивной социальной мобильности;
- определено влияние традиционной интеграционной модели «занятие социoproфессиональных ниш», которая в обществе социальных трансформаций обнаруживает неэффективность при ориентации на «системные» групповые показатели.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Классическая социологическая теория основывается на маргинальности молодежи как периоде социализации, связанном со статусом социального ученичества и неопределенности социально-ролевой дифференциации. Статус взрослого человека при совпадении с профессиональным совершеннолетием означает интеграцию в социально-профессиональную напряженность, когда «отложенная» взрослость результируется в маргинализацию, включение в группу, занимающего позиции ниже статуса родителей. Маргинализация студенческой молодежи может, таким образом, рассматриваться как эффект «социального инфантилизма», материальной зависимости и отсроченных устремлений молодежи.

2. В интерпретациях неклассического подхода анализируется биографизация социальных противоречий, вынужденная индивидуализация социальных практик, нарастание разрыва молодежи с другими группами общества и сверстниками. Маргинализация студенческой молодежи обусловлена отсутствием коллективных форм достижения групповых интересов, образованием «периферийных» групп, демонстрирующих либо социальную дистанцию, либо готовность к «негативным» социальным контактам, целью которых является не интеграция в общество в качестве самостоятельной группы, а завоевание автономного социального пространства, универсализация собственных интересов посредством освобождения от социальных обязательств и использования девиантных социальных стратегий.

3. Российская студенческая молодежь вытеснена из социально-трансформационного процесса, поэтому в условиях внутренней социокультурной дифференциации, ее характеризует статусная маргинальность, выраженная в готовности к перемене дипломной профессии, преобладании регрессивной социальной мобильности (70% : 30%) и напряженности в отношениях с элитными и базисными социальными слоями общества. Большинство респондентов уверены в себе и обнаруживают низкий уровень социальной уверенности, что способствует дистанцированию от социального статуса и низкой групповой консолидации, сужению возможностей артикулирования групповых интересов.

4. Студенческая молодежь находится в состоянии социальной зависимости и узкого диапазона возможной реализации профессионального потенциала, что сопряжено с аутореферентностью, присоединением к успешно адаптированным слоям и усилением социальной изоляции, выработкой норм и правил социального абсентеизма, склонности к паразитическим инноваци-

ям и принятием «инициированного» стиля жизни. Маргинализация усиливается в результате отклонения от активного участия в социальной жизни, индифферентности к социальным интересам, диффузии «одиночества в толпе». Более 57% респондентов заявляют о предпочтении отношений с близкими и родными, 23% демонстрируют эгоистический интерес, что свидетельствует о периферизации социального статуса и ограниченности социопрофессиональных ресурсов.

5. Традиционная модель, основанная на социальной зрелости и профессиональной зрелости студенческой молодежи, ее готовности занять вакантные социально-профессиональные ниши, неэффективна в условиях установок на общее высшее образование, дискредитации меритократии и возрастания социального дистанцирования молодежи. Оптимизация отношений молодежи и общества связана с групповой консолидацией студенческой молодежи на основе нахождения «нового профессионализма», включающего определенное профилирование интеллигенции, предоставление студенческой молодежи выбора инновационных профессий и перехода от модели непрерывной интеграции к серийной, направленной на конвертацию социальной инициативы молодежи в рефлексивные социальные практики.

Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты и выводы могут быть использованы в реализации целевых программ молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, развитии системы профориентации будущих специалистов в вузах, повышении эффективности деятельности органов занятости и социальной защиты населения. Кроме того материалы диссертационного исследования могут снискать применение в чтении лекций по общей и теоретической социологии молодежи, в изучении спецкурсов по социальной стратификации и социальной интеграции, социальной мобильности и ценности студенчества.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования докладывались и обсуждались на научно-теоретических семинарах кафедры, а также на региональных конференциях. Основные выводы работы отражены в публикациях объемом 3,2 п.л. По теме диссертации опубликовано 5 работ, из них 2 брошюры, 3 научных статьи.

Структура работы. Диссертация включает введение, две главы, состоящие из пяти параграфов, заключение, список литературы из 160 источников, 13 таблиц, 3 рисунка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы диссертации, характеризуется степень разработанности проблемы, определяются цели и задачи диссертационного исследования, описываются научная новизна и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Теоретико-методологические подходы к исследованию маргинализации студенческой молодежи» посвящена сравнительному анализу доминирующих социологических подходов к проблеме маргинализации студенческой молодежи. **В первом параграфе «Маргинальность социального статуса студенческой молодежи: классическая социология о молодежи в социальной структуре общества»** рассматривается парадигма маргинальности в классической социологии согласно которой маргинальность является характеристикой неопределенного статуса молодежи и преодолевается по мере социального и профессионального взросления.

В диссертации отмечается, что в начале 90-х годов XX века российские социологи выражали большую уверенность в использовании интерпретации эвристически-познавательного потенциала классической западной социологии. Интерес к структурному функционализму (В. Староверов, Б. Ручкин, В. Шубкин, А. Колесников) во многом определил характер не только социологических исследований молодежи, но и выявил проблемы generationalного диалога, межпоколенческого взаимодействия на процессы социальной стратификации российского общества, социальной мобильности и социального неравенства

Р. Парк впервые употребивший термин «маргинальность», не может быть отнесен к структурному функционализму, а является представителем Чикагской школы, структурный функционализм обязан ему актуализацией понятия «маргинализация». Работы Р. Парка оказали влияние на эволюцию взглядов Т. Парсонса: его учение о подчиненности социальных отношений четырем процессам (кооперация, конкуренция, акконсолидация и ассимиляция) было интегрировано в концепцию Т. Парсонса о социальной системе. Анализируя функциональные дилеммы: партикуляризм — универсализм, поступки — качества, моральность — эффективность, систематизация — диффузность, структуралисты исходят из присутствия в любой системе социального взаимодействия таких переменных. И если интеграция, как потребность во внутреннем порядке, соотносится с кооперацией по Р. Парку, маргинальность характеризует партикуляризм и эффективность и может быть осмыслена как отсутствие потребности в интеграции или неполную интеграцию.

Таким образом, по Парсонсу экономика выполняет в социальной системе функцию адаптации, что было важно для понимания того, что адантированность молодежи не исключает маргинальности, так как, имея социопрофессиональный статус, молодой человек может не считать престижным свой социально-профессиональный статус или считать его «навязанным», не соответствующим его жизненным устремлениям. Парсонс классифицирует молодежь маргинальной группой, очевидно, имея в виду, неопределенность социального статуса молодежи. Для структурного функционализма профессиональное совершеннолетие и социальный возраст означает расставание с маргинальностью, периодом «смутных» надежд и ожиданий. Однако, столкнувшись с бунтарством студенческой молодежи конца 60-х годов XX века, в воззрениях представителей классики возникло ощущение неадекватности схемы принятия социальных ролей социальным установкам студенчества.

Выявлено, что согласно положению структурного функционализма, фундаментальной гарантией всех человеческих обществ является ролевой плюрализм⁴. С молодежью связывается расширение ролевого плюрализма, что обеспечивает устойчивость, социальную самодостаточность общества. Вот почему молодежь объективно включена в процесс социального воспроизводства, является его агентом, не столько наследуя опыт предшествующих поколений, а стремясь реализовать преимущества. Маргинальность молодежи носит, таким образом, конструктивный характер, потому что ролевая неопределенность, непривязанность молодежи к закрепленной системе социальных норм делает возможным ее инновационность

Диссертант считает, что в рамках классической парадигмы маргинализация связана с структурными изменениями. Если общество не предоставляет возможностей «ролевого участия», молодежь как бы выталкивается на социальную периферию, нормативную пустоту, так как не имеет возможности иным образом удовлетворить социальные амбиции. Молодежь охотно воспринимает «абберантные» ролевые модели, основываясь на достижении благополучия незаконным путем, либо созданием «альтернативного мира». Структурный функционализм подчеркивает, что «действительность образуется структурами и процессами, посредством которых люди формируют осмысленные намерения и более или менее успешно их реализуют в конкретных ситуациях»⁵. Но структуралисты не могут отдать в «жертву» стабильность системы, так, по мнению Р. Мертона, дисфункциональность нереле-

⁴ Парсонс Т. Система современных обществ. - М., 1998, с. 25

⁵ Социология Хрестоматия. - М., 2003, с. 92

рентна, а в иных случаях является дополнением функциональности, служением успешному функционированию социальной системы.

Маргинализация как несоответствие стремления к личному успеху и универсализмом культурных ценностей переносит ответственность на личность и маргинализация приобретает партикуляристский характер. Но как быть с ее исследованиями в обществе, где каждый третий не уверен в своем предначертанном профессиональном будущем или не проявляет желания быть социально признанным, предпочитает понимание в кругу близких или склонен к социальной самоизоляции? Чрезмерные надежды на образование не дают основания заявлять, что общество эффективно справляется с интеграцией студенческой молодежи и в равной степени, что миллионы молодых людей стремятся стать обладателями университетского диплома. Как мы отмечали, образование может быть реальным источником маргинализации в условиях неравенства шансов на восходящую социальную мобильность.

Возникает конфликт между культивируемыми в обществе либеральными ценностями «индивидуального успеха» и «равных стартовых условий» и реальностью социальных позиций студенчества, как субгруппы, которая отстранена от участия в социально-трансформационных процессах и практически не имеет ресурсов социального влияния. Разочарование в сниженческих стратегиях не влечет просто их замену на приспособительные, повышение индивидуального статуса может достигаться как раз за счет социальной абберации и повышения адаптационного потенциала на основе устранения даже от личностных социальных обязательств. По модели структурного функционализма студенческая молодежь переживает, преодолевает маргинальность как временное состояние, исчезновение транзитивного социального статуса по мере совпадения социального возраста и профессионального совершеннолетия. Во-вторых, студенчество, находясь в фазе ювентизации (молодости), вариативно в своем поведении и вносит изменения в базисные социальные нормы, когда вступает во взрослую фазу. В-третьих, студенчество расстается с маргинальностью в результате восходящей социальной мобильности, преодоление при помощи образования, «неповторения» судьбы родителей.

Таким образом, делается вывод, что системная теория маргинальности, которая описывает маргинальность, как удел «отдельных» неудачников или сбоек в стадиях социопрофессиональной интеграции, вызывает возражения в условиях периферизации молодежи как социальной практики, присут-

ствующей в подобном аспекте во всех личностных социальных стратегиях⁶. Маргинализация стимулируется, как обоснованно утверждает структурный функционализм, системным неравенством и личностными отклонениями, однако, как признают сторонники социальной адаптации, разрушение связей с обществом ведет к неопределенности и несовершенству традиционных интеграционных личных принципов⁷. В неклассической социологии проблема маргинализации осмысливается на основе деятельностного фактора, группового выбора, конструирования социальных позиций, что делает маргинализацию самостоятельным выбором, обусловленным диапазоном социальных возможностей. Нашей непосредственной целью является анализ концептуальных положений неклассической системы, способных прояснить характеристики маргинализации студенчества, которые не укладываются в жесткие рамки нормативизма и ролевой функциональности.

Во втором параграфе «Маргинализация студенческой молодежи как жизненное самоопределение в условиях кризиса традиционной интеграционной модели» исследуется парадигма жизненного самоопределения молодежи в контексте неклассической социологической мысли.

В диссертационном исследовании выявлено, что неклассическая социология называет основной характеристикой состояния личности в современном обществе потерю уверенности (онтологической безопасности по Э. Гидденсу). Маргинальность становится постоянной переменной жизнедеятельности различных поколений людей. Студенческая молодежь уже не считает образование «сферой инвестиций в будущее», и в обществе растет осознание кризиса образования, как института социальной интеграции, непредсказуемость будущего вызывает «естественность» маргинальности как жизни в настоящем.

Определено, что маргинализация интерпретируется, как воспроизводство социальных практик, определенных выходом за традиционные социально-стратификационные параметры. Иными словами, универсальность маргинализации выражается в том, что она поражает практически все социальные слои. Социальные диспозиции, как известно, являются основой воспроизводящих практик. В условии потери онтологической безопасности индивид ориентируется не на базисные, фундаментальные принципы, а ситуативные социальные установки к восприятию и поведению в данной социальной сре-

⁶ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. - М., 2002, с. 510

⁷ Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильяме К. Молодежь в обществе риска. - М., 2001, с. 35

де, в данных конкретных исторических условиях⁸. Знаменательно то, с какими аргументами неклассическая социология преодолевает адаптационный кризис структурного функционализма.

В отличие от схемы «занятия социально-экономических ниш» молодым поколением, неклассическая мысль исходит из «самоопределения заново», так как студенческая молодежь не может эффективно использовать социальный опыт взрослых. Речь идет не о самоидентификации унаследованных от родителей социальных статусов и ролей, а социальной стратегии в условиях постоянных социальных рисков и неповторяемости жизненных ситуаций. Традиционная теория о поддержании соответствия (стабильности) общественной системы посредством включения новых поколений в социальную жизнь и передачи социальных традиций не адекватна новым экономическим, технологическим и социальным вызовам. Социальная структура общества становится более рассогласованной, подвижной, характеризуется образованием качественно новых индивидуализированных и маргинализированных слоев.

В диссертации дана характеристика неклассическому подходу к маргинализации через понятие студенчества как группы с выбором стратегий жизненных маршрутов. Студенческая молодежь испытывает в процессе образования трудности с профессиональным выбором, так как образование является билетом на поезд, который движется в неизвестном направлении. Не отрицая социально-ролевые структуры общества и связанного с влиянием абстрактного (семантического) труда обучения, З. Бауман, Э. Гидденс, Ф. Коркюф отмечают отстраненность общественных институтов от проблем социальной занятости молодежи. Перестают действовать структурные ограничения и происходит вынужденная индивидуализация социальных стратегий студенческой молодежи, когда каждый применяет собственную модель «жизненного успеха».

Маргинализация вписывается в теорию действия, повторений П. Бурдьё, только в качестве «имитации свободы», условия, что «свобода — завоевание коллективное». Конституирование свободного субъекта происходит благодаря критической рефлексии. Маргинализация, дистанцируясь от практического чувства, подлежит его предписанности, «сплоченности» и ограниченности в бесконечности игры «габитуса». Иными словами, маргинализация имеет группу дискурса действия в навязываемом коде правил и универсали-

⁸ Шербакова Л. И. Наемные работники в России: опыт социологического анализа. - Ростов-на-Дону, 2001, с.43

зации групповых интересов. Здесь, очевидно по логике П. Бурдьё, маргинализация определяется позицией в социальном пространстве и то, что представляется как следствие спонтанного выбора является вытеснением группы с целью капитализации социального влияния.

Таким образом, неклассическая социология фиксирует изменения в подходе к студенчеству, которое из «реализуемых различий» на определенные социопрофессиональные роли группы превращается в объект структурной двойственности; направленно претендует на участие в группе, социальной политике, но в действительности ее претензии на легитимное выражение собственных интересов определяется игрой обладателей политического и социального капиталов. Дело в том, что в отличие от взрослого поколения, у студенчества нет возможности создать автономное социальное поле, в котором бы оно заняло доминирующие позиции. Как считает П. Бурдьё, ни политические, ни социальные стратегии студенчества не помогли выразить интересы потенциально мобилизуемых групп и уже это обстоятельство привычности навязывания «естественного социального мира» влияет на маргинализацию, установление взаимного недоверия и отчужденности с другими социальными группами. Эта тенденция усиливается в условиях корреляции позиции в различных пространствах.

Подводя итог анализу основных социологических подходов, желательно выделить следующие характеристики. Во-первых, маргинализация студенческой молодежи является результатом определенных структурных изменений. Во-вторых, исследование маргинализации предполагает выявление динамики социальных ролей студенческой молодежи на внутригрупповом и межгрупповом уровнях. В-третьих, маргинализация нуждается не в оценке, а в нейтральности, выявлении субъектно-объектных влияний на процесс дистанцирования от социальных ролей, индивидуализации жизненных стратегий и выпадения из социального пространства. Процесс маргинализации российского студенчества связан с трансформацией социальной структуры общества, формированием новых типов социального взаимодействия, с господствующими адаптивными установками, что требует эмпирической идентификации и теоретического осмысления.

Вторая глава диссертации «Студенческая молодежь: периферийность социальных позиций в структуре российского общества» посвящена исследованию проблеме периферийности социального статуса студенческой молодежи в российском обществе, что связано с негативной идентичностью и поведенческими установками на личный успех.

В первом параграфе «Российское студенчество: проблема социального исключения в социопрофессиональной структуре общества» рассматривается проблема социального исключения студенчества в социопрофессиональной структуре российского общества, что предопределяет негативное отношение студенчества как к образованию, так и будущей профессии.

Российское студенчество составляет 63,4% российской молодежи, в нее входят учащиеся ССО (34,4%) и акторы высшего образования (63,6%). Известно, что к студенчеству относится молодежь, занятая в сфере образования для получения определенной профессии, связанной с высококвалифицированным (семантическим) трудом. Социальные позиции молодежи целесообразно анализировать в контексте социальной стратификации российского общества с учетом специфики исследуемой субгруппы российской молодежи.

Подчеркивается, что студенчество, как и все социальные слои общества, оказывается под влиянием социально-имущественного расслоения, падения доходов, утраты прежней системы социально-профессиональных стимулов и приобщения к перераспределительным отношениям. Студенчество включено в процесс реконструирования новых социальных групп и образования новых социальных и социопрофессиональных различий, как смена форм собственности, сужение роли государственного сектора и возрастание роли частных экономических и коммерческих структур. Перемены в социальных позициях и настроениях россиян системно затрагивают студенческую молодежь, ресурсная база (материальные возможности), качество обучения, качество жилья, уровень потребления во многом определяются возможностями их родителей в условиях сохранения поддержки со стороны общества и государства в доступе к образованию, трудоустройству, самостоятельной жизни.

Если брать основанием социально-стратификационные позиции - уровень доходов, то возможны два замечания. Во-первых, студенчество не относится к вступившему в социальную жизнь (активно трудовую) через преемственность поколений. Во-вторых, транзитивный статус студенчества не совпадает с занятостью на вторичном рынке труда, увлеченностью нерегулярными заработками или «тихой» или «иллегальной коммерцией». Следует также учесть, что на 80% российское среднее техническое и высшее образование ориентировано на выпуск специалистов «низкоквалифицированных», непрестижных профессий.

Выявлено, что уже в старших классах средней школы у молодых людей формируется понятие о будущей профессии, ее престижности и привлекательности в зависимости от перспектив профессионального устройства, доходов и социальной карьеры. Как в 1998 г., так и в 2001 г. наиболее предпочтительными являются профессии юриста - 39% и 42,6%, экономиста 37,3% и 36,4%, медика - 23% и 19,6%. Примечательно, что молодежь, признавая свой жизненный путь через обучение в вузе, выбирают дневную форму обучения (их число возросло с 82,8% в 1998 г. до 88,6% в 2001 г.). Сокращение количества желающих поступить на заочное отделение вузов, а также планирующих учебу в технических вузах сократилось соответственно (с 4 до 2,8% и с 6 до 3,4%)⁹. Это связано с факторами финансового и материального характера (большинство респондентов полагают, что затраты на обучение в данных формах не окупаются), отменой льгот для студентов-заочников, нежеланием «прикрепляться», быть зависимым от определенной профессии. Как выявили в процессе социологического исследования российские ученые, большинство студентов придерживаются установки на «общее образование», то есть получение диплома, как условия поиска выгодной работы, а не профессионального самоопределения. Только каждый пятый планирует работать по избранной специальности, остальные не заняты профессиональным совершенствованием, а рассматривают учебу как «период пролонгированности беззаботности», или накопления личностных ресурсов (10-15% студентов имеют собственное дело).

В диссертационном исследовании определяется, что несмотря на внутригрупповую дифференциацию доходов (от 500 рублей до 6-8 тыс. в мес), риск попадания в группу с небольшими доходами по профессиональному выбору или «вынужденная» ориентация на престижные профессии при их явном перепроизводстве размывает социальные позиции студенчества. Реальное получение высшего образования предшествует реализации определенной профессии, то есть большинство респондентов настраиваются на занятие высоких социальных позиций по сравнению со сверстниками, или занять равную по сравнению со своими родителями, 32% респондентов признают, что готовы после вуза некоторое время быть «безработным» и только 7% уверены в профессии¹⁰, что содержит риск маргинализации

⁹ Винтин И.А. Особенности социального самоопределения старшеклассников. //Социологические исследования, 2004, № 2, с. 87

¹⁰ Бойко Л.И. Трансформация функций высшего образования и социальные позиции студенчества. //Социологические исследования, 2002, № 3, с. 81

Социальные позиции студенчества обусловлены переменами в системе образования, на рынке труда и расхождением между установкой на образование, как достижение высшего социального статуса, и реальностью «не-востребованности» специалистов с высшим образованием.

Как пишут В.И. Чупров и Ю.А. Зубок, «ощущение нестабильности и незащищенности характерно для 60,1% молодых людей»¹¹. Депривация усиливается в связи с тем, что приток молодежи из государственного сектора (16,6% занятых) в негосударственный (49,1%), что свойственно сфере распределения и обмена, сопровождается возрастанием несоответствия профессии высокооплачиваемой работе (коэффициент $K = 2,38$). Несмотря на то, что заработки в частном секторе в 2-2,5 раза превышают доходы работающих в государственном, специалисты сталкиваются с нарушением социальных и трудовых прав, неинтересной работой и риском безработицы. Для студенчества подобная социальная перспектива влечет и профессиональный индифферентизм, и нежелание заняться трудоустройством во время учебы. Только каждый десятый студент занят поиском будущей работы (это в основном касается студентов старших курсов).

Если у молодежи растет ощущение «социальной дистанции», возрастает потенциал конфликтности, связанной с провалом жизненных намерений, происходит переориентация на социальную агрессию или «замыкание в себе». Ограниченность ресурсного потенциала, как социальной субгруппы, вызывает ее рассредоточение на личностно-индивидуальном уровне. Студенты представляют свое положение таким образом, что «их гораздо больше среди богатых, чем среди бедных»¹². Однако если принять во внимание социально-профессиональные характеристики, студенты, исследованные на дифференциацию доходов и символического капитала, оказываются одинаково равными перед «профессиональной несостоятельностью» и «потерей социальной уверенности», то есть возможностью контролировать свое жизнеустройство в соответствии с социальными нормами и одобренными целями. Студенчество приучено к тому, чтобы занять высокий социальный статус, но реально к этому не готово ни общество, где привычно ограничена социальная активность и используется «возрастная самодеятельность», ни студенты, которые исходят из «невозможности изменить ситуацию».

Обучение в государственных или негосударственных вузах не являются основными факторами стратификации, поскольку негосударственные

¹¹ Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. - М., 2000, с. 18

¹² Бедность и богатство в России: состояние и признаки. - М., 2003, с. 97

вузы не дают больших оснований для социальной мобильности и часто имеют более низкое качество образовательных услуг¹³. Старый принцип должно-отно-профессиональной стратификации, характерный для советского сословно-силового общества, перестал действовать, но и в условиях образования новых социальных и социально-профессиональных групп студенчество оказалось в стороне от социально-трансформационного процесса: несмотря на занятие студенчества в «выстраивании от реформ» и «поддерживающих изменения», не обнаруживаются параметры интегрирования в социально-профессиональную структуру. Разрыв между профильным образованием и будущей профессией, предполагает, что «выполняет» образовательные и профессиональные статусы, а также отношение к собственности и власти.

Особенно нестабильность социальных позиций российского студенчества проявляется в факторах адаптации:

Таблица 1

Факторы адаптации в настроениях российской молодежи

Способы справиться с трудностями	Количество ответов	Ранг ответов
Хорошая учеба	15,0	3
Будущая профессия	14,1	5
Умение идти на риск	14,3	4
Деловые связи	8,1	6
Друзья, родственники	17,3	2
Способность переменить профессию	30,2	1

То, что лидерские позиции занимают «внеобразовательные» факторы, свидетельствует о том, что студенчество использует ресурсы «готовности к перемене» и не ориентировано на воспроизводство в качестве «возмещающей» группы. Кроме того, готовность к перемене профессии и отрицание классовых, групповых способов достижения целей снижает проблему социально-ролевых моделей: общество не может делегировать студенчеству только социальные обязательства, не способствуя его самоорганизации.

Делается вывод, что большинство студентов придерживаются потребительских ориентаций и предпочитают социальным инновациям удовлетворение актуальных запросов, имеющих материальный характер. Хотя студенческая молодежь демонстрирует предпочтение «интересной работе», профессиональной переквалификации, реальные социальные установки на «жизнен-

¹³ Формирование общества, основанного на знаниях Новые задачи высшей школы. - М., 2003, с. 70

ный успех» в условиях неэффективности принципов должностно-статусной иерархии, переориентации среднего класса и рыночной конъюнктуры в пользу «непрофессионалов» стимулируют транзигцию, воспроизводство практик социального исключения, отказа от групповых, профессиональных и социальных обязательств, создание «автономных» социальных групп с использованием «нерегулярных заработков», «вторичной занятости». Студенчество не вошло в систему субъектов социальных преобразований, когда наиболее эффективной формой инновации выступает социальное положение, индивидуализация социальных стратегий, позиционирование в качестве групп, привязывает не к образованию и профессиональной подготовке, а повышению статусных позиций, несвязанных с определенной социально-профессиональной сферой.

Во втором параграфе **«Маргинализация как состояние бессубъектности российского студенчества»** характеризуется маргинальность студенческой молодежи, как следствие ее бессубъектности, отстраненности от участия социально-трансформационных процессах.

Анализ социальной структуры российского общества выявляет ситуацию возрастания субъективных параметров. В какой степени воспринимается групповая идентичность российского студенчества, как студенчество использует символический ресурс, каким образом студенческая молодежь демонстрирует социокультурные предпочтения, исходя из опыта предшествующих поколений и собственной префигуративности? Можно ли на основании субъективных параметров судить о структурной поляризации студенчества? Приведенный перечень вопросов указывает на влияние «периферийного» социального статуса студенчества на маргинализацию как состояние отказа от базисных ценностей и одновременного ухода от предпочтения альтернативных форм субъектности в виде конструктивной социальной самоорганизации и выработки активных, способных к презентативности в обществе социальных стратегий.

По результатам социологических исследований можно сделать вывод об углублении разрыва социальных связей между студенчеством и обществом. Это проявляется в социальной, политической, правовой сферах. Студенчество исповедует социальный индифферентизм (отклонение интегративных норм инновации или конструктивных социальных практик), не стремится создавать собственные общественные организации, не предлагает обществу интересы «служения» в рамках социальных проблем студенчества. 72% рес-

¹⁴ Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи. //Социологические исследования, 2000, № 12, с. 53

пондентов признает, что их не интересует ни в коей мере политика, только 6% готовы принять участие в политических акциях и 61% не видят достойных политических деятелей и отказываются идентифицироваться с определенными политическими движениями или структурой. Очевиден и рост правового нигилизма, каждый пятый студент совершает правонарушение, а 21% признают, что готовы нарушать закон для достижения поставленных жизненных целей.

Подчеркивается, что большое влияние оказывает напряженность социальной, социально-экономической, правовой ситуации в российском обществе, когда не выработано четкое представление о правильной экономике, правовой компетентности и само общество представляет совокупность субкультур с претензией на институциональность и эффективность для «своего круга».

Преобладание досуговых ориентации над производительными и отношением к труду, как бремени, формирует стратегию «поиска удачи». Основными являются не субъектность, профессиональное кредо, а «возможность хорошо заработать» и достичь того, чтобы хорошо отдохнуть и как возможность больше не работать. Такая тенденция обнаруживается у каждого четвертого студента, что открывает «шлюзы» маргинализации, добровольной безработице и самореализации вне социопрофессиональной структуры. «Неустойчивый социальный статус» инициирует соответственно сознательного отклонения «общественного мнения», того, что «думают о молодежи» в обществе. Маргинализация характеризуется безразличием к отношению «Других» и представлениям об обществе, как высшей социальной среде.

Таким образом, в российском обществе, где, по выражению К. Мангейма, господствуют социальные диспропорции, социальное самоопределение студенчества «списывается» на «механизм риска и индивидуальные усилия студентов и членов их семей». Вузовская система с 1992 года не занимается вопросами трудоустройства выпускников, так же изменились пропорции воспитания и образования в образовательном процессе в пользу «полезного знания», так что студенты сталкиваются с биографизацией «системных противоречий», предпочитают самостоятельно решать «проблемы», которые традиционно относились к сфере социального макрорегулирования.

Маргинализация проявляется как бессубъектность, планомерная деятельность по конструированию собственных символических универсумов, которые партикулярны и иррациональны по отношению к институционализированным формам, но играют определенную компенсационную и дости-

женческую роль в условиях преобладания функциональных моделей над интеграционными. Так как дезинтеграция в российском обществе связана не с социально-ролевой дифференциацией, а маргинализацией, актуальна проблема минимизации последствий маргинализации, ее влияния на социальное воспроизводство.

В третьем параграфе **«Социальная модель интеграции российского студенчества: проблема «минимизации» эффектов маргинализации»** отмечается, что в условиях маргинализации студенчества, необходим поиск адекватных моделей жизненного самоопределения направленных на интеграцию студенчества в общества на основе стратегий жизненных маршрутов.

В диссертационном исследовании выявлено, что маргинализация студенчества усугубляет проблему дезинтеграции, поскольку обществу приходится преодолевать барьер «отчуждения», недоверия и заниматься ресоциализацией добровольных исключенцев. Мы подчеркиваем, что маргинализация вызывает социальный и правовой нигилизм, сковывает творческую инициативу студенчества, приводит к исчезновению ее социальной активности. В том, что студенчество является «страдающим» слоем, есть и «ответственность» респондентов, рассматривающих общество, как пространство жизненного успеха, и безразлично относящихся к формам социальной консолидации, а также системы взаимных социальных обязательств.

Возник «негативный консенсус» «правлящего класса» и студенчества, который можно определить как «пакт о взаимном невмешательстве». Студенчество занимает пассивные позиции и безразлично к обществу, проявляет индифферентизм к социально-проблематичным схемам, правящий класс предоставляет иллюзию «свободы», возможности распорядиться своей судьбой на социальном микроуровне.

Соглашаясь с навязанными представлениями «о жизненном успехе», чтобы не выглядеть социальным аутсайдером, индивид может ориентироваться на традиционные ценности: 60% респондентов предпочитает стабильную работу, недовольство вызывает низкая заработная плата и отсутствие профессиональных перспектив. Замещение на социальном микроуровне объясняется дефицитом ресурсов самостоятельного поведения. То, что большинством оценивается как прогрессивность молодежи, показывает незрелость отношений «взаимных обязательств», социальных и гражданских прав молодежи. В обществе, где право маргинализировано, используется выборочно и созданы механизмы избегания правовой ответственности, индивид довольствуется материальным благополучием, хотя бы дистанцированием от

социальной поддержки государства, которое исповедуя адресную социальную помощь бедным, стигматизирует образ «бедных». Молодежь приучают к мысли, что «в обществе при рынке» не только «естественно» разделение на «бедных» и «богатых», но и каждый обязан заботиться только о себе.

Как мы выяснили ранее, большинство респондентов не испытывают доверия к властным институтам и социопрофессиональной структуре. Будучи включенными в определенные социально-ролевые модели, специалисты не идентифицируют себя с ними, дистанцируются от предписанных социально-ролевых установок. Бедность, жизненная неустроенность, неясность социальных перспектив, неустойчивость социальной карьеры формируют негативное отношение к сложившимся социальным и профессиональным структурам. Традиционная интеграционная схема основана на «передаче» определенных социальных функций по мере социального и профессионального взросления.

Делается вывод, что в условиях, когда традиционные центры «интеграции» исчезают, самореализация студенчества не обеспечивает консолидации необходимостью выработать иной уровень социального взаимодействия, чем экономическая адаптация. Но и в экономической адаптации студенчество испытывает эффект маргинализации, поскольку поставлено в заведомо невыгодное положение. Речь идет о том, что к образованию предъявляются несовместимые требования: обеспечение высококвалифицированными специалистами при низких заработных платах и профессиональной карьере, зависящей от стажа. Система образования рассматривается акторами рынка, как «бесплатный резервуар» специалистов, в который можно не вкладывать инвестиции. Студенты же, которые затрачивают немалые средства на обучение, ожидают превышения результативности над социальными издержками.

Делается вывод, что российское студенчество находится в состоянии структурной периферизации, воспроизводства нестабильных статусных позиций. Индивидуализация социальных стратегий основывается на освобождении от группового взаимодействия и ситуативной мобилизации. Большинство респондентов не осознают «группой для себя». Социопрофессиональная структура российского общества с монокультурой, монополизмом, маргинальностью правовых отношений стимулирует реализацию рыночных стандартов нерыночными средствами, на уровне неформальных договоренностей или стремления к перемене профессии. Маргинализация как состояние изоляции, перевода социально-поведенческих установок в режим «личного успеха» поддерживается «страхом» нищеты, боязнью безработицы и «уверен-

ности в себе». Не испытывая доверия к социальным и властным структурам, не обращаясь к референтной группе, студенчество маргинализуется.

Во-первых, студенчество так и не обрело социального статуса в новой социальной иерархии российского общества. Эпоха «социальных установок» ушла в прошлое, но каким образом студенчество участвует в социальном воспроизводстве вызывает существенные возражения. Во-вторых, присоединение к «элитному классу», поиск влиятельных знакомых, отчужденность от дисциплинированного труда способствует социальному исключению, также как отсутствие регулярных социальных контактов с элитными слоями, которые относятся к образованию как формальному условию и с базисными группами, от которых дистанцируются, чтобы не повторить «судьбу отцов». Традиционные модели социальной интеграции (студенческий коллектив, комсомол, студенческие отряды) в таких условиях неэффективны, потому что переход к непрерывной профессиональной переподготовке ставит задачей добровольную интеграцию российского студенчества в общество на основе ценностей образования и общения.

В **Заключении** подводятся теоретические итоги проделанной работы и намечаются перспективы дальнейших исследований.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Брошюры:

1. Российское студенчество: проблема социального исключения в социопрофессиональной структуре общества. Ростов н/Д, Логос, 2004. 20с.
2. Социальная модель интеграции российского студенчества: проблема «минимизации» эффектов маргинализации. Ростов н/Д, Логос, 2004. 22с.

Статьи, доклады, выступления

1. Зарубин Е.Н. Инсценировочные модели социального поведения российской молодежи // Лосевские чтения: Материалы науч.-теор. конф. «Цивилизация и человек: проблемы развития», май 2004г., г. Новочеркасск / Юж.-Рос. гос. техн. ун-т.- Новочеркасск: Темп, 2004.- С.80-84
2. Студенчество в процессе изменения социопрофессиональной структуры российского общества // Рубикон: Сб. науч. работ молодых ученых.- Ростов н/Д: РГУ, 2004.- Вып. 31.- С.10-11

3. Маргинализация студенчества как следствие деинституционализации системы образования // Рубикон: Сб. науч. работ молодых ученых.- Ростов н/Д: РГУ, 2004.- Вып. 31.- С 11-12.

Подписано в печать 22.11.2004.

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.

Уч. печ.л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ №47-2100.

Южно-Российский государственный технический университет (НПИ)

Центр оперативной полиграфии ЮРГТУ (НПИ)

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132, тел. 55-222

#25728